

УДК 327

Мария ЧИЖЕВСКАЯ

О РОЛИ ЯПОНИИ В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. Статья посвящена роли Японии как “стратегического партнёра” Европейского Союза в Восточной Азии. Рассмотрены изменение роли Японии в политике ЕС в регионе, степень сближения с тремя ключевыми партнёрами в Восточной Азии: Китаем, Японией и Южной Кореей. Автор приходит к выводу, что главным партнёром в восточноазиатском регионе ЕС считает Китай. Автор обнаруживает двойственность позиции Европейского Союза в регионе. Провозглашая ценностный аспект и соблюдение соответствующих норм критически важным элементом своей внешней политики, ЕС делает выбор не в пользу более близкого в этом отношении партнёра – Японии, а в пользу наиболее сильного экономического игрока, предпочитая, таким образом, экономические интересы ценностям. Япония, которую наравне с ЕС причисляют к “нормативным державам”, оказывается на периферии внимания ЕС в регионе и уравнивается в значении с Южной Кореей как “естественным политическим союзником”. Такой выбор представляется рациональным, однако заставляет усомниться в правомерности либерально-идеалистической самоидентификации Европейского Союза как “нормативной силы”.

Ключевые слова: Европейский Союз, Япония, японо-европейские отношения, Восточная Азия, нормативная сила.

Эволюция роли Японии в политике ЕС с 1991 года

В начале 1990-х годов Европейский Союз был поглощён проблемами интеграции, и восточноазиатское направление внешней политики не считалось приоритетным. Однако со временем обозначились геополитические амбиции объединения. Регион Восточной Азии¹, на который приходится более четверти всей торговли ЕС [European Commission, 2017], постепенно начал входить в орбиту его внешнеполи-

¹ В контексте настоящей статьи в регион Восточной Азии включены 8 стран: КНР, Гонконг, Макао, Тайвань, Япония, Республика Корея, КНДР и Монголия.

тических интересов, хотя основной интерес был по-прежнему сосредоточен на Восточной Европе и Средиземноморье. Интересы ЕС в восточноазиатском регионе имеют, главным образом, экономическую природу, но всё большее внимание уделяется вопросам политики и безопасности. На примере программных документов ЕС в отношении Восточной Азии попытаемся проследить изменение роли Японии как одного из основных партнёров Евросоюза.

Первый документ, в котором была сформулирована единая политика ЕС в Азии, был принят в 1994 г. под названием “На пути к новой азиатской стратегии”. Связи с Японией на фоне других азиатских стран выглядят в этот период достаточно прочными. С Японией уже было заключено рамочное соглашение (Гаагская декларация 1991 г.). Представительство ЕС в Токио открылось первым в Азии – в 1974 г., и Япония упоминается как один из доноров беднейших стран региона и крупный инвестор наравне с ЕС и США. Роль Японии оценивается высоко [Commission of the European Communities, 1994: 16–17].

Следующим документом ЕС на этом направлении стала в 2001 г. стратегическая программа по укреплению партнёрских отношений: “Европа и Азия”. Япония в нём упоминается наряду с другими странами региона – Китаем, Южной Кореей, Индией. В отдельном блоке, посвящённом стране восходящего солнца, её характеризуют как второй после США экспортный рынок для ЕС и крупнейшего инвестора в экономику Европы. Показательно, что раздел “Северо-Восточная Азия” открывается Китаем, после него следует Япония, затем государства Корейского полуострова. Это говорит о том, что приоритеты ЕС в Азии к этому моменту уже смещались в сторону Китая. В стратегии 2001 г. Японии по-прежнему отводится значимое место, хоть упоминается, что её экономическая роль в регионе существенно снизилась в результате десятилетней рецессии [Commission of the European Communities, 2001: 8].

В 2005 г. появляется стратегия ЕС в отношении субрегиона Восточной Азии, которая опубликуется в 2007 г. под названием “Принципы восточноазиатской политики”. В этом документе Япония фигурирует как “демократия с открытой экономикой, имеющая наиболее длительную историю среди стран региона” и “важный партнёр, <...> разделяющий многие ценности ЕС”. О Китае сказано, что он “превращается в глобального игрока”, с которым ЕС “развивает стратегическое партнёрство”, и его политические решения имеют “стратегическое значение” для Европы [Council of the European Union, 2007: 3].

Логическим продолжением программы 2007 г. стали “Принципы внешней политики и политики безопасности ЕС в Восточной Азии”, опубликованные в 2012 г. [Council of the European Union, 2012]. Они актуальны и сегодня, формулируя цели европейской политики в Восточной Азии. Естественными политическими партнёрами в регионе ЕС считает Японию и Южную Корею, с которыми он разделяет общие ценности демократии и свободного рынка. Однако на основе текста можно заключить, что приоритеты в глазах Союза к этому времени полностью сместились в пользу Китая.

Китай, Южная Корея и Япония во внешней политике ЕС сегодня

Китай, Японию и Южную Корею можно выделить в качестве ключевых партнёров Европейского Союза в Восточной Азии на том основании, что именно они представлены в “особой десятке” – официально или неофициально признанных “стратегических партнёров” ЕС [Чижевская, 2018: 106–108]. Исходя из того, что Китай для ЕС имеет приоритетное значение, а Южная Корея и Япония занимают примерно равное по стратегическому значению положение, рассмотрим кратко особенности взаимоотношений с каждой из этих стран.

Китай занимает второе место после США в ряду торговых партнёров ЕС по общему объёму торговли [European Commission, 2017] и является его важнейшим инвестиционным партнёром. Ежегодно проводятся саммиты ЕС-Китай, действует более 60 двусторонних диалогов по различным аспектам экономических и политических отношений [EEAS, 2018a]. При том что Китай признан “стратегическим партнёром” ЕС ещё в 2003 г., между ними не заключены соглашения, которые Евросоюз продвигает в отношениях с другими “стратегическими партнёрами”. Единственное соглашение, которое находится в стадии согласования между ЕС и Китаем, – это Инвестиционное соглашение, переговоры о котором начались в 2013 г. и продолжаются до сих пор [Носов, 2018: 7].

ЕС активно поддерживает проведение в Китае рыночных реформ, а также заявляет о необходимости улучшения ситуации с соблюдением прав человека, защитой свобод и развитием гражданского общества, однако делает это значительно менее настойчиво, чем США [Howorth, 2016: 391]. При этом в отношении Брюсселя к Китаю заметна двойственность. Активно развивая торгово-инвестиционные связи, ЕС закрывает глаза на происходящие в Китае нарушения продвигаемых им международных норм и правил. Ярким примером стала сдержанная реакция Брюсселя на решение Гаагского трибунала о признании несостоятельными территориальных претензий Пекина в Южно-Китайском море [Berkshire Miller, 2017].

С Республикой Корея, в отличие от Китая, Европейский Союз не имеет разногласий на ценностном уровне. Корея находится на восьмом месте среди торговых контрагентов ЕС [European Commission, 2017]. Она является единственной страной из десяти “стратегических партнёров” ЕС, с которой заключен полный пакет двусторонних договоров: Соглашение о свободной торговле 2011 г. в сфере экономики, Рамочное соглашение 2014 г. в сфере политики и Рамочное соглашение об участии в операциях ЕС по урегулированию кризисов 2016 г. в сфере безопасности. Это говорит о зрелости отношений и совпадении позиций сторон по основным двусторонним и международным вопросам. В политической области стороны проводят на регулярной основе саммиты и поддерживают более 35 секторальных диалоговых механизмов [EEAS, 2018b].

Отношения ЕС с Японией по своему характеру близки отношениям с Южной Кореей. Регулярно проводятся японо-европейские саммиты. Как в случаях Китая и Кореи между сторонами действует ряд постоянных диалогов по различным вопросам экономики и политики. Япония является вторым по значимости после Китая азиатским партнёром ЕС. Она занимает шестое место по объёму торговли [European Commission, 2017]. В стадии ратификации находятся Соглашения об экономическом и стратегическом партнёрстве, которые должны создать новый каркас для двусторонних отношений.

Если сравнивать отношения Европейского Союза с указанными тремя азиатскими партнёрами, следует признать, что, несмотря на явный акцент в пользу Китая, связи с Южной Кореей и Японией имеют большую степень институционализации, а значит, носят более устойчивый и долгосрочный характер. Кроме того, Брюссель и Токио связывают особенности, которые позволяют отнести и ЕС, и Японию к центрам силы, обладающим нормативной силой.

Нормативная сила: точки соприкосновения ЕС и Японии

ЕС и Япония, как состоявшиеся демократии, поддерживают и продвигают принципы демократического управления, прав человека и верховенства закона. Однако нормативную силу определяет не только способность формулировать определенные нормы и добиваться того, чтобы им следовали третьи страны, но также готовность следовать им даже в том случае, если это не приносит политической выгоды [Diez, 2013: 197].

Понятие “нормативная сила” впервые использовано в 2002 г. британским политологом Йеном Мэннерсом по отношению к Европейскому Союзу. Согласно Мэннерсу, ЕС продвигает пять “стержневых норм”: мир, свободу, демократию, верховенство закона и права человека [Manners, 2002: 242–243]. Необходимость распространять и закреплять нормы в мировой политике, в особенности это касается прав человека, подчёркивается в Глобальной стратегии по внешней политике и безопасности 2016 года [EEAS, 2016: 8, 10, 11, 15, 26, 38, 39, 41]. Несмотря на то что реальные возможности ЕС влиять на принятие третьими странами продвигаемых им норм и сама либерально-идеалистическая концепция “нормативной силы” не раз подвергались аргументированной критике [Hyde-Price, 2006; Wagnsson, 2010], в контексте данной статьи имеет значение именно самоидентификация ЕС как “нормативного актора”.

Сегодня термин “нормативная сила” применяют также и в отношении Японии [Hosoya, 2012; Asplund, 2018]. “Нормативный” посыл содержится, например, в японских дипломатических инициативах “ценностно-ориентированной демократии” и “арки свободы и процветания” [MOFA of Japan, 2006]. Центральной идеей японской дипломатии в настоящее время является “активный вклад в дело мира” – концепция, построенная вокруг тех же “стержневых норм”, адвокатом которых выступает ЕС [Government of Japan, 2014].

В качестве примера совпадения внешнеполитических подходов можно привести северокорейский вопрос. Если большинство игроков, практикуя подход в духе политического реализма, делают упор на необходимость решения вопросов “жёсткой безопасности”, то есть на прекращении северокорейской ядерной программы, ЕС и Япония наравне с этим вопросом выделяют проблему нарушения прав человека в КНДР: именно они ежегодно подают в Генеральную Ассамблею ООН совместные резолюции на эту тему уже 13 лет подряд [Japan Times, 2017].

Можно предположить, что, распространяя свои ценности в Восточной Азии – безопасность, права человека, демократию и т.д., европейская дипломатия могла бы прибегнуть к объединению усилий с Японией, разделяющей те же ценности. Такое объединение усилий можно было бы назвать “нормативным партнёрством” – сотрудничеством для совместного продвижения разделяемых обоими партнёрами

ценностей, норм и правил [Носоуа, 2012: 333]. Однако в реальности синергии между ними не происходит.

Заключение

Для ЕС охарактеризовать роль Японии в Восточной Азии можно так: это естественный политический партнёр ЕС в регионе, с которым существуют отношения “стратегического партнёрства”. С точки зрения ЕС, Япония занимает равное положение с Южной Кореей, а главенствующая роль в регионе и с экономической, и с политической точки зрения принадлежит Китаю. При этом отношения с Китаем являются менее институализированными, чем с Южной Кореей и Японией, а также, в отличие от последних, чреваты потенциальными конфликтами в сфере политических норм и ценностей.

В отношениях с восточноазиатскими партнёрами ЕС стоит перед выбором: руководствоваться экономическими интересами или оставаться верным своей роли “нормативной силы”, следующей избранным нормам и правилам даже вопреки экономическим интересам. Несмотря на очевидное совпадение взглядов, развитию с Японией “нормативного партнёрства” ЕС предпочитает упор на экономическое и политическое сотрудничество с Китаем. Таким образом, можно говорить о “двойственной” позиции ЕС в Восточной Азии: провозглашая себя идеалистом в мировой политике, в реальности ЕС делает выбор в пользу не “нормативных” партнёров, а наиболее сильных и выгодных экономических игроков.

Список литературы

- Носов М.Г. (2018) ЕС и Китай: торговля или стратегия, *Современная Европа*, №6.
Чижевская М.П. (2018) “Стратегическое партнёрство” ЕС и Японии, *Международные процессы*, Т. 16, №1.

References

- Asplund A. (2018) Normative power Japan: settling for “Chinese democracy”, *Contemporary Japan*, vol. 30, no. 1.
Berkshire Miller J. (2017) “Europe should work with Japan on Asia security. Nikkei Asian Review. 20.04.2017 11:00”, available at: <http://asia.nikkei.com/Viewpoints/J.-Berkshire-Miller/Europe-should-work-with-Japan-on-Asia-security?page=1> (accessed 21.06.2018).
Chizhevskaya M.P. (2018) “Strategicheskoe partnerstvo” ES i Japonii [“Strategic Partnership” between the EU and Japan], *Mezhdunarodnye processy*, vol. 16, no. 1.
Commission of the European Communities (1994) “Towards a new Asia strategy”, available at: <http://aei.pitt.edu/2949/1/2949.pdf> (accessed 23.06.2018).
Commission of the European Communities (2001) “Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnerships”, available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52001DC0469&from=EN> (accessed 23.06.2018).
Council of the European Union (2007) “East Asia Policy Guidelines”, available at: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2016468%202007%20INIT> (accessed 23.06.2018).
Council of the European Union (2012) “Guidelines on the EU’s Foreign and Security Policy in East Asia”, available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/asia/docs/guidelines_eu_foreign_sec_pol_east_asia_en.pdf (accessed 23.06.2018).
Diez T. (2013) Normative Power as Hegemony, *Cooperation and Conflict*, vol. 48, no. 2.
European Commission (2017) “Client and Supplier Countries of the EU28 in Merchandise Trade (2016, excluding intra-EU trade)”, available at: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122530.02.2017.pdf (accessed 23.06.2018).

EEAS (European External Action Service) (2016) “Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy”, available at: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 13.06.2018).

EEAS (2018a) “EU-China Relations factsheet”, available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en/34728/EU-China%20Relations%20factsheet (accessed 13.06.2018).

EEAS (2018b) “The Republic of Korea and the EU”, available at: https://eeas.europa.eu/delegations/south-korea_en/8789/The%20Republic%20of%20Korea%20and%20the%20EU (accessed 15.06.2018).

Government of Japan (2014) “Japan’s Proactive Contribution to Peace”, available at: https://www.japan.go.jp/tomodachi/2014/spring-summer2014/japans_roactive_contribution_to_peace.html (accessed 21.06.2018).

Hosoya Y. (2012) The evolution of the EU-Japan relationship: towards a “normative partnership”?, *Japan Forum*, no. 3(24).

Howorth J. (2016) EU Global Strategy in a changing world: Brussels’ approach to the emerging powers, *Contemporary Security Policy*, vol. 37, no. 3.

Hyde-Price A. (2006) “Normative” power Europe: a realist critique, *Journal of European Public Policy*, vol. 13, no. 2.

Japan Times (2017) “Japan and EU submit annual resolution criticizing North Korea’s rights abuses. November 2, 2017”, available at: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/11/02/national/politics-diplomacy/japan-eu-submit-annual-resolution-criticizing-north-koreas-rights-abuses/#.WyuIzaC3pSl> (accessed 21.06.2018).

Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, vol. 40, no. 2.

MOFA of Japan (Ministry of Foreign Affairs of Japan) (2006) “Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the Japan Institute of International Affairs Seminar ‘Arc of Freedom and Prosperity: Japan’s Expanding Diplomatic Horizons’”, available at: <https://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0611.html> (accessed 21.06.2018).

Nosov M.G. (2018) ES i Kitaj: torgovlja ili strategija [The EU and China: trade or strategy], *Sovremennaja Evropa*, №6.

Wagnsson C. (2010) Divided power Europe: normative divergences among the EU “big three”, *Journal of European Public Policy*, vol. 17, no. 8.

The Role of Japan in the EU’s Vision of East Asia

Author: Chizhevskaya M., Postgraduate Student, the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences). **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** maria.chizhevskaya@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the role of Japan as a “strategic partner” of the EU in East Asia. The article analyzes evolution of the Japan’s role in the EU’s policy towards East Asia, compares the scope of cooperation between the EU and its three main partners in the region – China, Japan and South Korea. The author comes to the conclusion that the main partner in the region for the EU is China, although there are considerable divergences between them in the area of political norms and values. The position of the EU appears to be ambivalent: putting consolidation of norms and rules among the third countries as a key element of its foreign policy, in East Asia the EU relies not on the like-minded partner, which is deemed to be Japan, but on the most economically powerful partner, thus preferring economic interests to the idealistic ones. Japan, which, along with the EU, is called “normative power”, appears to be on the sideline of the EU’s priorities in the region and is equaled in significance with South Korea as a “natural political partner”. Such a choice seems to be rational, but puts under question the liberal-idealistic self-identification of the EU as a “normative power”.

Key words: European Union, Japan, EU–Japan relations, East Asia, “normative powers”.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope12019113118>